

18+

ШИТЕР АКРОЙД

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

РЕВОЛЮЦИЯ

От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

Оглавление

1. Что вы теперь скажете о предопределении?
2. «Быки» или «медведи»?
3. Идол эпохи
4. Расцвет
5. Золотая проза
6. В ожидании того дня
7. Клуб Мартина Писаки
8. Немцы идут!
9. Мыльные пузыри
10. Незримая рука
11. Страсти потребительства
12. «Как это у вас называется?»
13. Отрезанное ухо
14. Мать-женева
15. Колода карт
16. Что же мне делать?
17. Победа или смерть
18. Альтисты
19. Призыв к свободе
20. А вот и мы!
21. Ума палата
22. Волшебные машины
23. Чаепитие
24. Школьник
25. Паровые машины
26. На темной равнине
27. Огонь и лунный свет
28. Фригийский колпак

[29. Короли-безумцы](#)

[30. Зверь и блудница](#)

[31. Романтическая история](#)

[32. Прелести мирной жизни](#)

[Библиография](#)

[Фотоматериалы](#)

Потрясающее освещение поистине революционного периода в истории Англии. Все исследователи национальной истории должны в обязательном порядке, как учебники, читать сочинения Акройда, изучать его методологию и всю совокупность трактовок.

Kirkus

Прекрасно! Интеллектуальное и информативное чтение.

Spectator

Тонкий и последовательный анализ исторических событий, представленный необычайно увлекательно.

BBC History Magazine

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

ОСНОВАНИЕ

От самых начал до эпохи Тюдоров

ТЮДОРЫ

От Генриха VIII до Елизаветы I

МЯТЕЖНЫЙ ВЕК

От Якова I до Славной революции

РЕВОЛЮЦИЯ

От битвы на реке Бойн до Ватерлоо

ПИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

РЕВОЛЮЦИЯ

ОТ БИТВЫ НА РЕКЕ БОЙН ДО ВАТЕРЛОО

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume IV. Revolution

Впервые опубликовано в 2016 году издательством Macmillan,
импринтом Pan Macmillan

Перевод с английского Ирины Никитиной

Научный редактор: Захаров А.О., доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

18+

Акройд П.

Революция : От битвы на реке Бойн до Ватерлоо / Питер Акройд ; [пер. с
англ. И.В. Никитиной]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — ил.

ISBN 978-5-389-19523-3

История Англии — это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней — не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому.

Период между Славной революцией (1688) и победой армии союзников при Ватерлоо (1815) вобрал в себя множество событий. Поражение Якова II и правление Вильгельма III Оранского, война за испанское наследство, начавшаяся со вступления на английский престол королевы Анны, присоединение Шотландии к Англии и, следовательно, образование Великобритании в 1707 году, правление Георга I (правнука Якова I), якобитское восстание 1715 года, война четверного союза 1718–1720 годов, правление Георга II, война за австрийское наследство и семилетняя война, правление Георга III с такими важными вехами, как присоединение Ирландии и война с Наполеоном... Именно на этом отрезке времени парламент стал суверенным органом с обязанностями, намного превосходящими монаршие, были основаны Банк Англии и Лондонская фондовая биржа, а беспрецедентные технологические инновации превратили Англию из сельскохозяйственной страны в страну стали и угля. Значительные преобразования произошли и в культурной жизни — появились газеты и родился жанр английского романа. 37 иллюстраций на цветной вклейке сопровождают детальный портрет эпохи, созданный выдающимся мастером исторического повествования Питером Акройдом.

© Peter Ackroyd, 2016

© Никитина И.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

1

Что вы теперь скажете о предопределении?

Перед лицом надвигавшейся армии Вильгельма Оранского король Яков II обратился в бегство. Изгнанник нашел приют во Франции у своего кузена Людовика XIV, а Вильгельм Оранский вольготно устроился в Уайтхолле¹, однако было совершенно непонятно, кто же на самом деле правит Британией. В этой связи в начале 1689 года² была созвана Конвенция — нечто среднее между собранием благородного сословия и парламентом. Поскольку у страны не было монарха, который имел право инициировать выборы, Конвенция была собрана спешно и без специальной подготовки, хотя и имела серьезные последствия, ибо ознаменовала настоящую революцию в государственных делах.

Участники Конвенции встретились в конце января 1689 года с целью обсудить положение Якова и статус Вильгельма; немедленно начались прения о том, был ли трон «покинут» или «освобожден», — беседа, без сомнения, высокоученая, однако преследовавшая единственную цель — раз и навсегда исключить бежавшего короля из числа претендентов на престол. В конце концов палата общин объявила, что Яков II «отрекся». Однако такого термина в национальном законодательстве не существовало, поэтому его использование было своего рода юридической фикцией. Правда, не существовало и альтернативы, которую можно было бы противопоставить власти самозванца. Сложно было представить что-то худшее, чем деспот-католик Яков II, для государства, преимущественно

исповедовавшего протестантизм. Один тот факт, что некоторые представители знати обратилась к Вильгельму Оранскому с просьбой вмешаться и разрядить стремительно накалявшуюся обстановку, позволил рассматривать легкую победу принца как в известной степени законное и санкционированное действие. Однако он не мог претендовать на престол лишь по праву его завоевания — уж слишком страшны были воспоминания о Вильгельме I Завоевателе, которого так усердно ненавидели рьяные республиканцы. Вильгельму требовалось вступить на трон «на законных основаниях» — довольно размытая и удобная формулировка, подходившая для описания самых разных обстоятельств.

К началу февраля члены Конвенции составили так называемую декларацию прав. Одна из ее статей запрещала создание регулярной армии в мирное время, то есть фактически упраздняла одну из величайших привилегий неограниченной монаршей власти. Аналогичную направленность имели и другие статьи. Так, например, законы могли приводиться в исполнение или отменяться исключительно с согласия парламента, как и сбор налогов в пользу короны; свобода слова в парламенте имела первостепенное значение, а в заключительной статье декларации говорилось, что «парламентские слушания должны проводиться на регулярной основе».

Декларация, впоследствии получившая название «Билль о правах» (Bill of Rights), была формально изложена Вильгельму и его супруге Марии, дочери свергнутого короля. Супруги заседали в Банкетном зале³. После того как Вильгельм подтвердил «с благодарностью их монаршее согласие на поступившее предложение», супругов объявили монархами Англии и Шотландии на равных правах. В этом крылась искусная уловка. Согласие Вильгельма означало лишь, что он

понял и принял декларацию как залог своей официальной коронации под именем Вильгельм III, однако формальной клятвы он никому не давал. Впрочем, многие современные историки придерживаются мнения, что Вильгельм получил власть именно благодаря действиям парламента. Право помазанника Божьего, указывавшее на божественное происхождение королевской власти, осталось в прошлом. Впоследствии Даниель Дефо заявил, что парламент обладал «безграничной и бесконечной властью, а могущество его сопровождает сама бесконечность».

Молчание Вильгельма относительно содержания декларации вовсе не означало его одобрения и согласия. Его отнюдь не привлекали изложенные в ней принципы. Декларация была чисто английским изобретением, большей частью основанным на практическом опыте, при этом Вильгельм прекрасно понимал, что она ограничивала его власть. По его словам, он не имел ни малейшего желания соглашаться с некоторыми условиями, однако «положение дел взяло верх над его намерениями». Впоследствии он сетовал, что «король без казны и власти — худшее из правительств». На следующий день после того, как в Банкетном зале Джордж Савиль, 1-й маркиз Галифакс, вручил Вильгельму корону, тот заметил, что «роль его сродни фигуре короля в шахматной партии». Однако ему во что бы то ни стало требовалось сыграть ее.

Объединение мелкопоместного дворянства, или джентри, и аристократии на деле позволило сформировать систему государственного устройства, которая исключала угрозу королевского абсолютизма и защищала имущество от самочинной конфискации. Их не увлекала идея введения парламентом различных мер по исправлению положения ради общественного блага или благородного стремления к порядку. Единственное,

что их интересовало, — это личная выгода. В результате произошло событие, получившее название «Славная революция», — в теории результат Божественного провидения, а на практике — плод сотрудничества представителей политической элиты, аристократии и олигархии при поддержке поместного дворянства. Эта новая элита удерживала власть на протяжении ближайших двух столетий.

Против нового порядка резко выступили те, кто считал клятвы верности свергнутому королю непреложными и нерушимыми: уж если самый священный договор можно было нарушить, где же тогда истинный оплот порядка и авторитета? Противники декларации, отказавшиеся принести клятву верности Вильгельму и Марии, получили название «неприсягатели». Среди них были и самые высокопоставленные представители английского духовенства, например архиепископ Кентерберийский Уильям Сэнкрофт. Его взгляды разделили восемь епископов и 400 священников. 11 апреля 1689 года он не присутствовал на коронации Вильгельма и его супруги в Вестминстерском аббатстве; корону на голову Вильгельма возложил епископ Лондонский. Уже на следующий год Сэнкрофт был вынужден оставить свой пост.

Неприсягатели были показателем разобщенности государства; многие из них стали якобитами, то есть сторонниками изгнанного Якова, — если не на деле, то по духу. Нет сомнений, что во многих частях страны к Вильгельму относились более чем прохладно, в нем видели чужеземца, возведенного на трон грубой силой. Впрочем, делать было нечего. Он уже носил корону. Единственное, что оставалось в удел несогласным, — это безразличие или покорность.

Новый король превратил Конвенцию в парламент. Для этого он воспользовался простым и удобным приемом — не покидая трона, обратился к обеим палатам с речью.

В своей коронационной клятве он обещал править в соответствии со «статутами, одобренными парламентом, а также законами и обычаями Англии». Это ознаменовало новую расстановку сил в общественном устройстве. И тем не менее нельзя сказать, что отношения между короной и парламентом были безоблачными. Так, словно в подтверждение своей усилившейся власти, члены парламента отказали Вильгельму в предоставлении пожизненного содержания и в финансировании намеченной королевской военной кампании против Франции. Они слишком хорошо запомнили печальный урок, преподнесенный им предыдущим монархом, который был слишком самостоятельным и справлялся со всеми вопросами, не прибегая к помощи парламента. Теперь Вильгельму, чтобы обслуживать свои долги, пришлось подчиниться парламенту, заседания которого стали более регулярными. Впредь парламент собирался ежегодно, а сессии длились по нескольку месяцев; всеобщие выборы проводились в среднем каждые два года. Скорость, с которой новый политический курс набирал обороты, повысила градус политической жизни, спровоцировав явление, известное под названием «неистовство партий»⁴.

Это пришлось не по вкусу новому королю, питавшему глубокую неприязнь к вздорным политикам. Будучи по природе сдержанным, если не сказать замкнутым и нелюдимым, новый монарх еще и плохо говорил по-английски. Душой он всегда стремился на родину, подальше от ханжеского и докучливого английского двора. Он ненавидел помпезность. Его манеры и внешность отнюдь не соответствовали возложенным на него новым обязанностям. Он говорил медленно и кратко. По натуре он был расчетливым, бесстрастным и методичным. Несмотря на довольно худощавое телосложение, он выглядел вполне внушительно;

правда, из-за приступов астмы его речь часто прерывалась сильным кашлем. Вскоре после воцарения он покинул туманный и сырой Вестминстерский дворец и переехал в Кенсингтон, который мог похвастаться более благоприятными условиями. Большую часть времени король был суров и даже мрачен, а улыбка появлялась на его лице крайне редко; лишь в тесном кругу голландских советников он мог позволить себе расслабиться.

Современники короля поговаривали, что его придворные были гомосексуалами, а двум своим ближайшим фаворитам — 1-му графу Портленду и графу Албемарлу — Вильгельм даровал полмиллиона акров земли (свыше 2000 кв. км, или 200 000 га). Принцесса Елизавета Шарлотта Пфальцская — супруга Филиппа I, герцога Орлеанского и младшего брата французского короля, поинтересовалась даже, не стал ли, случаем, королевский двор задним (фр. *château de derrière*), намекая на нетрадиционную сексуальную ориентацию большинства его представителей. Ее собственный муж по прозвищу Месье и сам был одним из известных гомосексуалов своего времени, поэтому вполне вероятно, что Елизавета обладала на этот счет достоверной информацией из первых рук. В ту пору в дворцовых кулуарах ходило стихотворение, в котором были такие строки:

Давайте же помолимся о благе государства за душу
короля,
Чтоб в дырку нужную он Роджера засунул, не
посрамив себя⁵.

Гилберт Бернет⁶, епископ Солсбери и ярый сторонник нового устройства, как-то таинственно намекнул, что король «не имеет грехов, кроме разве что одного,

однако держит его в большой тайне и проявляет крайнюю осторожность». Возможно, речь идет об алкоголизме, однако это маловероятно. Ни для кого не секрет, что гомосексуальные отношения существовали при дворе любой милитаристской державы, где ведущие роли распределялись среди представителей мужского пола, например при дворе Вильгельма III. Впрочем, как и большинство рассказов о гомосексуальности королей, эта история не имеет доказательств.

Как бы то ни было, Вильгельм был убежденным кальвинистом, придерживавшимся самого строгого толкования предопределения из всех возможных. Именно поэтому он так слепо верил в судьбу. Когда Вильгельм высадился в Торбее, готовясь встретиться лицом к лицу с Яковом II, он спросил Гилберта Бернета: «Итак, учитель, что вы скажете о предопределении теперь?» Сам Вильгельм полагал, что его миссия прежде всего состоит в том, чтобы пойти войной на французского короля-католика. Это было делом его жизни. Возможно, именно его горячая вера объясняет бесстрашие и отвагу, проявленные им на поле битвы. И разумеется, именно вера явилась одной из причин его лояльности в отношении диссентеров⁷, вышедших из лона англиканской церкви.

Одной из первых инициатив нового парламента стало создание билля, учреждавшего и поощрявшего веротерпимость. Акт о веротерпимости (Toleration Act; полное название — Акт об освобождении от наказаний, предусмотренных соответствующими законами, протестантских верноподданных, отделившихся от англиканской церкви) предоставлял диссентерам право на проведение собственных публичных богослужений и правовую защиту. В последующие два десятилетия более двух с половиной тысяч церквей и молелен получили разрешение на проведение богослужений. Стремление Вильгельма угодить собратям по вере,

будь то протестанты или даже кальвинисты, было понятным и справедливым. Такое положение дел создало благоприятную обстановку для пробуждения методистской церкви в 1740-х годах, однако большая часть представителей англиканской церкви полагала, что права государственной религии были нарушены. Это неудивительно, ведь к середине XVIII века на фоне растущего числа ревностных сторонников других учений традиционная церковь отличалась безразличием и равнодушием.

Весной 1689 года Вильгельм объявил войну Франции. Основной предпосылкой вторжения, организованного им за год до этого, было намерение воспользоваться богатством и ресурсами Англии в ходе масштабной кампании против французского владычества в Европе, а кроме того, устранить угрозу, которую Франция представляла для независимости Республики соединенных провинций⁸, в которой он занимал должность штатгальтера, или наместника. Именно этими соображениями Вильгельм руководствовался на протяжении последних шестнадцати лет. Незадолго до вторжения французов в 1672 году Вильгельм заявил, что будет защищать свою страну «до последней капли крови». Людовик XIV, в свою очередь, назвал Вильгельма своим «заклятым врагом». Король Франции мечтал создать грандиозную империю Бурбонов и, встав во главе ее, править из Версаля. «Король-солнце» (фр. *le Roi-Soleil*) готовился светить над всей Европой. Если бы ему удалось подчинить Нидерланды, он покорил бы самую мощную протестантскую державу на континенте. Чаяния англичан были куда более скромными. Они согласились на военную кампанию Вильгельма лишь для того, чтобы исключить возможность возвращения Якова II под патронажем французской короны; они не хотели становиться, как говорилось, «папистами или рабами». Все надеялись, что война будет короткой.

Однако надежды не оправдались. Вильгельм возглавил военную кампанию против своего давнего врага, которая получила название Девятилетняя война⁹. Король принял на себя обязанности министра иностранных дел и, чтобы организовать наступление, сформировал коалицию держав, в которую среди прочих вошли Испания и Священная Римская империя. Эта «империя» представляла собой в значительной степени свободную конфедерацию независимых правителей, стоявших во главе государств Центральной Европы и опасавшихся французского господства. Впрочем, война Вильгельма была лишь прелюдией к куда более крупному и длительному конфликту. Война Англии против Франции продолжалась пятьдесят восемь лет, долгая вражда закончилась лишь в 1815 году в битве при Ватерлоо. Уже успевшая укорениться культура войны сильно изменила общественную, финансовую и политическую жизнь англичан. Армии, участвовавшие в военных действиях, разрастались. Налоги увеличивались в геометрической прогрессии. Все эти события станут одной из тем данного тома.

С глаз Вильгельма спала пелена очарования английским парламентом. Весной и летом 1689 года он не раз сетовал, что «палата общин использовала его как пса» и что «он не мог их выносить». Еще со времен правления Якова II были проведены четкие границы между двумя крупнейшими политическими партиями Англии — вигами и тори. Виги были врагами папизма и автократии, а значит, предпринимали попытки ограничить королевскую власть; тори стояли на защите монархии от натиска тех, кого считали республиканцами, или мятежниками. Однако с приходом к власти Вильгельма III все сильно изменилось.

Из «бессмертной семерки», призвавшей Вильгельма высадить войска в Англии и сместить Якова¹⁰, пятеро

были вигами, а двое — тори. Вскоре виги решили, что у них есть преимущество перед оппонентами. В первые месяцы правления Вильгельма они потребовали отмены за унижения, которым они подвергались в годы правления предыдущего короля; кроме того, они были твердо намерены влиять на решения Вильгельма. Однако новый король прекрасно понимал, что не может править при поддержке лишь одной партии; необходимо было обеспечить равенство и равновесие во внутренних делах государства, не выказывая при этом предпочтения ни вигам, ни тори, а править, опираясь на оба политических крыла. Вильгельм мечтал о создании так называемой придворной партии, которая бы объединила представителей разных политических сил.

Вигов это не интересовало. Они приходили в неистовую ярость от тех парламентариев из партии тори, которые высказывались о своей верности двору Якова II. Некоторых представителей аристократии обвинили в измене за совершенный ими переход в лоно католической церкви. Мэры и олдермены¹¹ малых и крупных городов, предоставившие свои уставные грамоты свергнутому королю, были лишены права занимать какую-либо должность в течение ближайших семи лет. Предлагали даже задним числом ввести закон против папизма и нонконформизма и распространить его действие на всю партию тори. Однако Вильгельм пожелал даровать им амнистию, издав закон о помиловании и забвении, относившийся ко всем, кто участвовал в самовольных или незаконных действиях в годы правления предыдущего монарха. Летом 1689 года Акт о свободе, всеобщем помиловании, искуплении и забвении (Indemnity Bill) был представлен в палате общин, однако не прошел дальше второго чтения и так и остался на обсуждении палаты. На деле законопроект был похоронен.

Любые инициативы, касавшиеся Вильгельма, в парламенте с треском проваливались. В его пользу не было принято ни одного закона. Ему было отказано в доступе к «легким деньгам» — средствам от сбора налогов, которые он так желал заполучить. Введение нового сбора усилило всеобщее враждебное отношение к нему. Между тем он предложил отправиться в Ирландию с целью подчинить себе местных католиков и оставшихся последователей Якова II, представлявших серьезную угрозу безопасности Англии. Однако виги воспротивились идее морского похода. Они боялись за здоровье государя в стране дождя и тумана. Им претила сама мысль о том, что огромная армия новобранцев и наемников, многие из которых были выходцами из Северной Европы, будет топтать британские земли. Впрочем, прежде чем они успели предпринять сколь-нибудь решительные действия, Вильгельм распустил парламент и назначил новые выборы.

В марте 1690 года во время предвыборной кампании в стране кипели нешуточные страсти. «Никогда еще, — писала Диана Пэджет своему родственнику лорду Пэджету, — между вигами и тори не было такой вражды и разобщенности, как теперь». Борьба, по словам Томаса Маколея¹², шла не на жизнь, а на смерть. Проповеди, памфлеты и уличные баллады еще больше накаляли обстановку; впервые накануне выборов в парламент были опубликованы списки избирательных округов, чтобы проинформировать избирателей о противоборствующих сторонах. В результате, набрав большинство голосов, победу одержали тори при поддержке представителей англиканской церкви. Воспользовавшись благоприятной обстановкой и сговорчивостью парламента, Вильгельм ответил любезностью на любезность, издав Акт о помиловании (Act of Grace), даровавший амнистию всем сторонникам Якова II за все совершенные ими правонарушения; в

мае для одобрения законопроекта потребовалось лишь одно формальное слушание в обеих палатах. Через месяц Вильгельм с армией отплыл в Ирландию.

Доводы против похода в Ирландию очень напоминали те, что выдвигались против войны с Францией. В обеих странах было немало сторонников восстановления монархии Стюартов. Весной 1689 года Яков II высадился в Кинсейле на юго-западном побережье Ирландии с корпусом французских войск. Парламент Дублина объявил его законным королем и издал закон о лишении гражданских и имущественных прав за государственную измену, направленный против его мятежных врагов. И вот в июне 1690 года Вильгельм во главе более многочисленной армии и артиллерии приготовился нанести ответный удар. Английские полки из Чешира, Камберленда и других областей страны были усилены немецкими и скандинавскими наемниками.

Положение дел в Ирландии было крайне тревожным. Вильгельм отправил туда армию под командованием герцога Фридриха Шомберга с целью подчинить себе враждебно настроенное население и его предводителей. Однако герцог предпочел остаться в оборонительной позиции и не начинать военных действий, ссылаясь на необученность своих войск и численное преимущество сил Якова II. Вильгельм был вынужден взять командование войсками на себя. С 16 000 солдат он отплыл из Честера. Через Ирландское море они переправлялись на 280 судах.

Когда Вильгельм высадился в Каррикфергусе на северо-восточном побережье Ирландии, он объединил силы с Шомбергом и двинулся на юг в сторону Дублина. Подойдя к Дроэде (Дрохеде), портовому городу в 35 милях (56 км) к северу от ирландской столицы, он узнал, что вражеская армия находилась неподалеку — на южном берегу реки Бойн. Силы якобитов,

представленные в основном ирландскими католиками, стояли на первой линии обороны Дублина. Вильгельм опасался, что успеху его ирландской кампании помешает капризная погода влажной осени и морозной зимы, однако неожиданно ему выпал шанс одержать решительную победу. По некоторым сведениям, Вильгельм, обводя взглядом ирландские войска, сказал: «Рад видеть вас, джентльмены. Если вам удастся сбежать, это будет исключительно моя вина».

Накануне битвы, 30 июня, Вильгельм попал в поле зрения конной артиллерии Якова II. Развернув пушки, те выпустили в него пару ядер, второе ядро задело ему плечо. Он на мгновение пригнулся к шее лошади, и якобиты издали возглас ликования. Однако король тут же выпрямился. «Все в порядке, — сказал он, — выстрел был метким, но недостаточно». Рану перевязали, и Вильгельм продолжил готовиться к предстоящей битве.

Требовалось как можно скорее форсировать переправу через Бойн. Вильгельм возглавил кавалерию, которая наступала с левого фланга, а маршалу Шомбергу поручил командование пехотой. Паролем служило слово «Вестминстер». У каждого солдата протестантской армии на головном уборе красовалась зеленая ветвь, а ирландские якобиты в качестве отличительных знаков носили белые бумажные кокарды. Шомбергу оказалось непросто перейти реку. Кавалерия Якова вновь и вновь отбрасывала его назад. Тем не менее маршал держался стойко, перегруппировывал войска, не позволяя сломить сопротивление, и в конце концов якобиты получили приказ отступить. Сам Яков наблюдал за сражением издалека и под занавес бесславного финала отправился в рыбацкий поселок Дунканнон, откуда отплыл во Францию. В Ирландию он больше не вернулся, упустив последний шанс вернуть себе трон. Ирландцы, фактически брошенные на произвол

судьбы, прозвали бывшего короля Яков-говнюк (ирл. *Seamus a'chaca*).

Битва на реке Бойн стала решающим сражением в войне двух королей и фактически положила конец попыткам установления католического господства в Ирландии. Лимерикский договор (Treaty of Limerick), заключенный в 1691 году, обещал ирландской армии якобитов и католическому населению великодушные условия. Однако ирландские протестанты отнюдь не торопились потворствовать религиозному врагу, и Дублинский (протестантский) парламент сформулировал собственные условия для прекращения англо-ирландской войны, которые получили название «законы против папистов и нонконформистов». Все сражавшиеся за Якова II лишались имущества. Землевладельцы-католики теряли право передавать свое имение по наследству. Католикам запрещалось занимать государственные посты, носить оружие и открыто исповедовать свою религию. Они лишались прав вести юридическую практику и нести воинскую повинность. Сложившееся положение дел стали называть «протестантское господство», однако среди ирландских католиков появилось другое название — «большой раскол» (ирл. *long briseadh*).

Несмотря на триумф англичан в Ирландии, их противостояние Франции в войне Аугсбургской лиги было куда менее успешным. Начало войны ознаменовалось страшной катастрофой, когда летом 1690 года объединенный флот голландцев и англичан потерпел поражение в сражении с французами у мыса Бичи-Хед, потеряв 11 судов. Эти новости спровоцировали панику в Лондоне и других городах, поскольку теперь полномасштабное вторжение врага на британские земли казалось не только возможным, но и неизбежным. Было создано местное ополчение: на побережье Девоншира собрались отряды, вооруженные

мечами и вилами, готовые дать отпор любому французу. Серебристая гладь моря, служившая Англии как «крепостной ров замку», теперь была в руках давнего неприятеля. Что, если его флот направится вверх по Темзе?

Но французского вторжения так и не произошло, или, во всяком случае, оно не было столь масштабным. Тысяча французов высадилась в Тинмуте, где они разграбили и сожгли рыбацкую деревню, после чего сразу же вернулись на корабли и отплыли. Это было показательное выступление, дающее, впрочем, представление об излюбленной французской тактике захвата. Лорд-адмирала флота Артура Герберта, 1-го графа Торрингтона, арестовали и отправили в Тауэр за неисполнение должностных обязанностей. Позднее военный суд его оправдал, однако при дворе Вильгельма его отвергли. Герберт потерял должность первого лорда Адмиралтейства и был вынужден оставить службу.

В начале сентября 1690 года Вильгельм отправился через Ирландское море в Бристоль, предварительно отдав приказ Джону Черчиллю, графу Мальборо, разделить командование в рамках ирландской кампании с двумя иностранными генералами. Король пустился в неторопливое плавание — поистине триумфальное шествие — в Кенсингтонский дворец. В следующем месяце парламент принял решение выделить ему четыре миллиона фунтов на армию и флот в рамках продолжавшегося конфликта с Францией. Предполагалось, что средства удастся выручить за счет введения нового земельного налога и удвоения таможенных сборов и акцизов — такое увеличение государственной казны ознаменовало появление так называемой финансовой или фискальной политики государства. Это был жест, совершенный в равной степени от страха и из благодарности: членов

парламента все еще тревожила перспектива французского вторжения.

А король уже был на пути в Гаагу для участия в конгрессе, в ходе которого ему предстояло объединить союзников и сформировать общую военную стратегию. Разумеется, все они, за исключением голландцев, преследовали собственные интересы и не желали воевать. Так, Дания и Швеция полагали, что из-за удаленности от театра военных действий им следует держаться в стороне. Вильгельм заподозрил их в подготовке мирного договора с Францией, что фактически означало бы поражение. Курфюрст Бранденбурга не желал приходить на помощь Испанским Нидерландам. Курфюрст Саксонии отозвал свои войска с зимних квартир, условия в которых он счел неудовлетворительными. Императора Священной Римской империи Леопольда I куда больше занимала Османская империя, чем Франция. Однако сильной стороной Вильгельма была дипломатия: подкупам, обещаниями или уговорами, но он добился сохранения коалиции.

Ресурсы коалиции пришлось как нельзя кстати в апреле 1691 года, когда Людовику XIV сдался город Монс на юге Нидерландов, недалеко от границы с Францией. Ликование по поводу неудач Вильгельма охватило не только Версальский дворец: лондонские якобиты праздновали поражение протестантов в тавернах и харчевнях, где они были частыми гостями. У Вильгельма был и другой, тайный враг. 1-й граф Мальборо был недоволен своей должностью; на его счету была значимая победа в Ирландии, когда он в ходе пятинедельной кампании взял Корк и Кинсейл, перекрыв тем самым морское сообщение с Францией. Его возмущало, что, несмотря на его заслуги, король предпочел ему иностранных военачальников и что

герцоги и графы различных европейских княжеств могли похвастаться превосходством над ним.

Мальборо обладал всеми чертами современного патриота: милостивый, умный и находчивый, граф был еще и выдающимся полководцем, а также политиком с большим даром убеждения. Он проявил эти ценные качества еще двадцать лет назад, во время службы у герцога Йоркского, и с тех пор неизменно был в чести у властей. Мальборо оставил своего первого покровителя, который впоследствии взошел на трон под именем Яков II и во время вторжения французов перешел на сторону Вильгельма по соображениям протестантского благочестия. Однако было ясно, что граф Мальборо вновь легко поменяет свои убеждения, если того потребуют обстоятельства. Он был готов поддерживать что угодно и кого угодно в обмен на власть, деньги или новые почести, оставаясь при этом тактичным, скромным и любезным.

Вскоре после возвращения Мальборо из Ирландии он, по всей видимости, организовал или поддержал заговор, ставивший целью вернуть Якова II на трон. Он полагал, что за ним — вся английская армия. Имеются свидетельства, что Якова, жившего в изгнании в парижском предместье Сен-Жермен-ан-Ле, посещали и другие представители английской знати в надежде обеспечить себе политическое покровительство в будущем, каким бы оно ни было. Однако заговор Мальборо был раскрыт, и в начале 1692 года его сместили с занимаемых должностей и отстранили от двора. Затем в мае его арестовали по обвинению в государственной измене и заключили в Тауэр. По ложному обвинению его уличили в сговоре с целью убийства Вильгельма. Это дело получило название «заговор цветочного горшка», поскольку вскрылся некий поддельный документ, якобы подписанный

Мальборо, который был спрятан под цветочным горшком в доме епископа Рочестерского.

Спустя шесть недель Мальборо был оправдан, освобожден, и, частично реабилитировавшись, вернулся ко двору. Казалось, Вильгельм решил проявить великодушие в отношении представителей знати, по-прежнему баловавшихся интригами, в которые их вовлекали представители династии Стюартов. Вильгельм был невысокого мнения о природе человека.

Основной заботой короля в то время была война в континентальной Европе. В рамках этого противостояния Вильгельм не мог похвастаться ни громкими победами, ни сокрушительными поражениями. Однако в мае 1692 года французский флот из 44 судов появился у берегов северо-запада Франции в окрестностях Барфлера и Сен-Ва-ла-Уга, намереваясь восстановить Якова II на английском престоле. После тяжелейшего противостояния французские войска обратились в бегство. В ходе преследования английский и голландский флоты сумели уничтожить 15 вражеских судов. Угроза французского нападения была устранена.

Теперь голландцы и англичане стали владыками морей, а французам ничего не оставалось, кроме как разрабатывать сухопутную стратегию. Летом того же года французская армия одержала победу у Стенкерка на юге Нидерландов, когда в ходе жесточайшей битвы они наголову разбили пять английских полков. Не составляет труда перечислить на бумаге эти события в хронологическом порядке, однако, чтобы описать правдивую картину той кровавой бойни и выжечь эти события в памяти потомков, потребовалось бы огненное перо. В «Путешествии в страну гуигнгнмов» (1723) — четвертой части «Путешествий Гулливера» — Джонатан Свифт так описывает военные события того времени: «Двадцать тысяч убитых с обеих сторон; предсмертные

стоны, отрубленные конечности, то и дело мелькавшие в воздухе; дым, шум, неразбериха, насмерть затоптанные лошадьми; побег, погоня, победа; поля, усыпанные трупами, брошенными на съедение собакам, волкам и хищным птицам; грабежи, разбои, насилие, поджоги и опустошение». Вскоре земля вновь обагрилась кровью. Спустя годы Томас Маколей в «Истории Англии» (History of England; 1848) писал, что «следующим летом, после битвы при Стенкерке земля, удобренная кровью двадцати тысяч убитых, расцвела миллионами красных маков».

Война потеряла популярность, если когда-то ее и имела. Теперь это была просто «война Вильгельма». Вернувшись в Англию после весенней и летней кампании на континенте, он обнаружил, что страну охватили волнения и протесты. Он попеременно искал поддержки то у вигов, то у тори в попытке создать пресловутую «придворную партию», которая бы занялась решением конфликта, однако со временем начал выказывать явное расположение вигам, очевидно полагая, что тори доверия не заслуживали. Он оказался прав. Тори составили костяк так называемой партии патриотов, которая выступала против двора и действующего правительства. Члены этой партии демонстрировали недоверие правительству, с подозрением относились к регулярной армии и тем членам парламента, которые зависели от милостей двора.

В те времена четких границ между политическими партиями не существовало. Для отдельно взятого человека имелось большое количество возможностей для перехода из одной партии в другую. Тори в целом одобряли королевские привилегии, которыми теперь неограниченно пользовался Вильгельм III, однако среди них было и много якобитов, которые по-прежнему надеялись на возвращение Якова II. Виги поддерживали

Вильгельма, однако в теории желали ограничить королевскую власть. Где же была золотая середина? Король предпочитал смешанный состав правительства, члены которого формировали широкий политический спектр, однако на деле он все больше благоволил вигам, поскольку они поддерживали продолжавшуюся войну с Францией. Они были намного тверже в своем неприятии католицизма и деспотического произвола, царившего, по их мнению, при дворе Людовика XIV. Контакты с финансистами из Сити также давали вигам возможность привлекать средства на ведение войны и сулили дополнительную прибыль и проценты. Многие члены этой партии были друзьями Вильгельма. Во главе стояла группа из пяти пэров, которых к 1695 году стали называть «Хунта» (исп. *Junta*), то есть совет.

Свергнутый король, двор которого разместился в замке Сен-Жермен, по-прежнему строил планы на возвращение; он с радостью встречал каждую оплошность Вильгельма и находил себе сторонников и шпионов везде, где только мог. Якобиты даже придумали секретный пароль, который позволял им без труда узнавать друг друга: «Устроим заварушку, и отец вернется домой» (Box it about: it will come to my father). Эти слова казались полной бессмыслицей, но на деле имели важный подтекст. Подразумевалось, что для возвращения Якова на трон в стране нужно было посеять хаос. Кроме того, приверженцы изгнанника стали характерно прихрамывать, заходя в таверны. Хромота (англ. *limp*) служила аллюзией на четыре имени. В сущности, английское слово было составлено из первых букв этих имен: Людовик (Louis), Яков (James), Мария Моденская (Mary of Modena) и молодой принц (Prince). Весной 1693 года Яков опубликовал декларацию, в которой объявил амнистию всем, кто не будет чинить сопротивление его возвращению, и пообещал пойти на значительные политические

уступки, дабы утвердить парламентскую форму правления.

Положение Анны — младшей дочери Якова — было крайне затруднительным. Ситуация усугубилась в 1694 году после смерти ее сестры Марии II. В результате Анна, ярая протестантка, осталась единственной прямой наследницей Стюартов. Отмечалось, что у нее было больше шансов взойти на престол, чем у ее зятя Вильгельма, который теперь делал шаги к примирению с ней. В предыдущие годы Вильгельм и Мария игнорировали Анну или всячески пренебрегали ею, временно отстранив от двора. В свою очередь, Анна при поддержке жены графа Мальборо, влиятельной Сары Черчилль, подняла короля на смех. В переписке они называли государя «господин Калибан»¹³ или «голландский недоносок».

Анну не без причин подозревали в поддержке якобитов: она по-прежнему разделяла принципы и притязания своего отца. Полагали, что после смерти зятя она пригласит Якова вернуться на трон. Однако это было маловероятно; она ничуть не сочувствовала католикам и помнила, сколько вреда Яков причинил государству и правящему классу, настаивая на эмансипации католиков, то есть предоставлении им бóльших прав и свобод. Вероятнее всего, Анна сама намеревалась взять в руки скипетр и державу, чтобы раз и навсегда установить мир и порядок, обеспечив стабильность идеалов англиканской церкви, которым сама она была искренне предана.

У Вильгельма на повестке были иные, куда более срочные и не терпящие отлагательств вопросы. На шестом году войны он вновь столкнулся с острой нехваткой средств и опять обратился за помощью к вигам. Один из молодых членов «Хунты» по имени Чарльз Монтегю обладал необходимыми навыками, чтобы помочь государю в этом непростом деле. Именно

ему, более чем кому бы то ни было, Англия обязана коренным преобразованием финансовой системы страны.

¹ Уайтхолл (Уайтхолльский дворец) — крупнейший в Европе королевский дворец, насчитывавший свыше полутора тысяч помещений, был основной резиденцией английских королей в Лондоне с 1530 по 1698 г. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

² Новый и старый стиль датировки — григорианский и юлианский календари соответственно — были в ходу на континенте и в Англии независимо друг от друга и имели разницу в 10 дней. В Англии юлианского календаря придерживались вплоть до 1751 г., поэтому и я использовал старый стиль, повествуя о событиях до этого момента. В XVII в. празднование Нового года приходилось на 25 марта, однако я придерживался более привычной для нас даты — 1 января. — *Прим. автора.*

³ Банкетный зал (Банкетинг-хаус, или Банкетный дом) — единственное здание Уайтхолльского дворца, уцелевшее после пожаров 1691 и 1698 гг. Потолок Банкетного зала украшают девять картин П. Рубенса.

⁴ «Неистовство партий» — название эпохи с 1688 примерно до 1715 г., которая характеризовалась политической неустойчивостью, усиливающейся политической борьбой внутри парламента и частыми выборами в него. — *Прим. науч. ред.*

⁵ Let's pray for the good of our State and his soul / That he's put his Roger in the right Hole.

⁶ Бернет Гилберт — шотландский священник и советник Вильгельма III, получивший сан епископства в Солсбери, историк, автор книги «История моего времени», которая стала ценным источником сведений о событиях тех лет.

⁷ Диссентеры — английские протестанты, которые в XVI-XVII вв. отделились от господствующей епископальной церкви (конгрегационалисты, пресвитериане, баптисты), а также римские католики.

⁸ Республика соединенных провинций, также известная под названием Голландская республика, или просто Голландия, или Нидерланды, — государство, образовавшееся в результате победы Нидерландской буржуазной революции XVI в.

⁹ В 1688 г. разгорелся конфликт, вошедший в историю под названием война Аугсбургской лиги, война Большого альянса, или Девятилетняя война (1688–1697), в ходе которого Франция противостояла Аугсбургскому альянсу, в котором среди прочих состояли Англия, Испания и Нидерланды.

¹⁰ 30 июня 1688 г. группа дворян («бессмертная семерка») во главе с Джоном Черчиллем направила письмо, в котором призвала принца